

Вячеслав Алексеевич, скажите пожалуйста, что означает ваша фамилия?

- Фамилия моя очень распространена в Восточной Польше и происходит от корня «печь» - печь. А пецух - это человек, который вместо того, чтобы работать, любит полежать на печи. Отец мой родился в Киве и писался по паспорту украинцем. По его словам, в селе Новая Утица под Ивано-Франковском чуть ли не триста дворов Пецухов. Мой прадед Тарас Пецух работал на винокуренном заводе и умер трагикомически - утонул в чане с водкой. А по матери я русак с примесью кавказских кровей.

- В энциклопедии говорится, что вы родились в Москве, в селе Черкизово за Преображенской заставой...

- Такая формулировка вполне правомерна. В довоенные годы за заставами уже кончался город и начиналась губерния. Левее от Преображенской площади располагалось село Черкизово. Там когда-то моя прабабка, даром что была крестьянкой Лопаснинского уезда Московской губернии, построила двухэтажный доходный дом в четыре квартиры. Откуда деньги взялись - не знаю, но в квартире лежал даже дорогой по тем временам дубовый паркет. Я еще застал одноэтажные дома дачного типа. А рядом лежало село Богородское...

- Вы много лет отдали школе. Это было призвание?

- Я сознательно пошел на истфак Московского пединститута. Когда болели учителя в младших классах, меня, старшеклассника, просили их подменить. Это было тем более странно, что учился я из рук вон плохо, по точным и естественным дисциплинам еле-еле тянул на тройки. Удивительно, как вообще сдал выпускные экзамены на аттестат зрелости. А вот уже в институте учился хорошо.

- Так бывает?

- Я тогда попал в группу, где готовили учителей для спецшкол, в которых ряд предметов велся на иностранных языках. Проработал год в одной такой школе, а потом ушел в обыкновенную и там уже работал довольно долго. К тому времени я уже был отцом семейства. Должность классного руководителя в те времена обзывала даже выходные проводить со своим классом где-нибудь в цирке, кино, лыжном походе или играя в «Зарницу». И получалось, что первые несколько лет я писал от случая к случаю. А когда у меня что-то уже начало получаться как «литературному департаменту», перешел в вечернюю школу, что дало возможность работать в литературе безостановочно, как в доменном производстве.

- У вас нет специального литературного образования. А вообще, нужно ли учиться литературе, например в литинституте?

- Литинститут существует не для того, чтобы учить писать, а чтобы давать талантливым людям широкое гуманитарное образование. В большие времена из глубинки пробивалось много ребят даже с незаконченным средним образованием, но уже успевших опубликоваться. А настоящий сочинитель немалым без определенного литературного багажа. История нашей литературы знает примеры, когда большие литературные таланты сильно страдали оттого, что оказались культурно незащищенными...

- В своих сочинениях вы используете исторические анекдоты. Вы их где-то находите или сами сочиняете?

- Все берется строго из источников: книг, воспоминаний, монографий. Иной раз наткнешься на чрезвычайно забавный эпизод, о котором, дожив до седых волос, еще не знал. Вот недавно прочитал, как Екатерина Великая, совершая свое знаменитое путешествие по югу Российской империи, где-то под Херсоном устроила смотр войскам. Проходя вдоль фронта знаменитого Фанагорийского полка, она остановилась и говорит: «Представьте себе, братцы-солдатики, сколько тысяч верст я проделала, чтобы только вас повидать!» А один солдат ей на это замечает: «От этой самой матушки-царицы чего только ни приходится ожидать». Согласитесь, довольно-таки занятно.

- Вы как-то сравнили искусство с болезнью роста, которую человечество, взрослея, переживает. Значит, наступит времена, когда вообще не будет искусства?

- Человечество в процессе развития нарабатало огромную художественную культуру, и вдруг в начале двадцатого столетия оказалось, что она избыточна. Культура больше не нужна? Или человечество не может существовать вне художественной культуры, как и вне нравственности? Были в истории периоды, когда художественной культуры в нынешнем ее понимании не существовало вовсе. Например, временной отрезок от крушения Римской

Вячеслав ПЬЕЦУХ: НИКОГДА НЕ ВИДЕЛ ЧЕЛОВЕКА, ЧИТАЮЩЕГО МОЮ КНИЖКУ

Лауреат многих писательских премий, он успел попробовать себя и в роли школьного учителя, и в качестве главного редактора толстого журнала «Дружба народов». Но основным занятием для Вячеслава Пецуха все же стало сочинительство: его романы, рассказы и повести часто переиздаются, пьесы ставят театры. «Люди обязаны жить с оглядкой на литературу, как христиане - на «Отче наш», - уверен писатель вместе с героями своего романа «Новая московская философия».

империи до эпохи Возрождения. Возможно, так произойдет и сейчас. А спустя несколько столетий люди опомнятся, и опять всем станут интересны Данте, Лев Толстой...

- Куда же бедному писателю податься?

- Бедному? Из поколения в поколение в России складывалось отношение к писателям, как к избранным. Даже неважно, известен ты или нет. А кто был богаче писателя, всего 20 лет назад? Только рубщик мяса с одесского Привоза. За одну книжку я получал столько денег, что мог купить два легковых автомобиля, дачу и преспойно жить года три.

- Не все так радужно было. Макулатуры много выпускали...

- Однако тогда существовала четкая, хотя и негласная, иерархия ценностей. Определенная группа литераторов обслуживала власть, другая стремилась удовлетворить потребности простого народа. Но всем было понятно, кто есть кто. И ориентирами для нации оставались большие писатели, великие актеры, мыслители. А сейчас в роли таковых выступают те, кто пляшет и поет, - массовики-затейники.

- Вы пишете, что «хороший человек - это для писателя не индульгенция. Ты будь хоть карточным шулером, но настоящее литературное качество дай». Может ли пишущий говорить о нравственности, будучи в личной жизни безнравственным?

- История литературы знает сколько угодно негодяев, которые являлись выдающимися художниками. Хотя и странно, что человек, занимающийся таким великим делом, вдруг оказывается негодяем. С другой стороны, характер талантливого человека немалым без какой-то червоточинки. Уж настолько светлый человек Антон Павлович Чехов, а вот обожал считать деньги. Брал на учет каждую приходную и расходную копейку. И какого выдающегося художника ни возьми - в каждом окажется что-нибудь да не так. Я, например, в жизни не украду, но случайно могу обидеть. Не надо бы мной раз говорить кому-нибудь, что он жулик, а я не выдержу да и скажу.

- Вы однажды сравнили литературу с наукой. В науке время одиночных откры-

тий давно прошло. Над созданием атомной бомбы работали тысячи ученых, объединенных вместе. Возможно, и литературу ожидает такой путь?

- Изобретать скопом - это не столько наука, сколько техника. Сам феномен расщепления атома открыли одиночки Кюри и Резерфорд. А уже создание бомбы сравнимо скорее с научно-техническим бандитизмом. Все, что ни делается в мире поганого, все - скопом. Так же и с литературой. Никакого коллективного прогресса на этом попроче быть не может. Литературу создавали и будут создавать исключительно одиночки. Но в последнее время и одиночек-то особенно не слышат.

- Вы считаете современных молодых сочинителей слабыми?

- Я не скажу, что, положим, Пелевин, Сорокин - плохие писатели. Но мне они не интересны. Я могу прочитать из них абзац или несколько страниц, и только. Думаю, дело не в тексте, а во мне. Они говорят о чуждых мне вещах, о выпренней и насквозь выдуманной проблематике и, самое главное, тем языком, который мне претит. Все-таки культура языка - это то, на чем до самого последнего времени держалась наша литература. В этом смысле русские писатели владели одним из самых сложных инструментов в мире. Я изучал несколько иностранных языков. И когда мне на ум приходит вставить в текст какое-нибудь редкое русское слово, я жутко радуюсь, понимая, что аналогов этому слову в других языках нет.

- В середине 90-х вы возглавляли журнал «Дружба народов». А сейчас толстые журналы нужны?

- Литературные журналы - суть чисто русский феномен и в этой стране, конечно же, нужны. Они представляют только-только вышедшую из-под пера, еще «горячую» литературу. Их сегодняшние ничтожные тиражи объясняются не только тем, что народу некогда заниматься «этой ерундой», но и материальными трудностями нашего человека. Отдать 70-80 рублей за номер - тяжело. Особенно в провинции, где часть населения не работает, а часть зарабатывает столько, сколько средний русский пьяница пропивает в течение одного дня. Но, думаю, журналы как-нибудь

выкарабкаются. Тираж пушкинского «Современника» снижался из года в год и незадолго до смерти Пушкина составлял пятьсот экземпляров. А самый массовый журнал того времени «Библиотека для чтения» мог похвалиться тиражом только в 6 тысяч.

- Однако еще недавно журналы выходили миллионными тиражами.

- Заоблачный скачок тиражей, наблюдавшийся в перестройку, объясняется тем, что народ дорвался до текстов, о существовании которых многие годы даже не подозревал. Людям как бы выпустили из душной тюрьмы, и они начали судорожно глотать воздух и наслаждаться солнечным светом. А когда выяснилось, что счастье человеческого мало зависит от творений Наума Коржавина или Анатолия Рыбакова, тогда и произошло закономерное охлаждение масс к разоблачительной литературе среднего уровня. Великая литература - это совсем другое.

- Вы однажды сказали, что «большевик в крови у русского народа». Что вы имели в виду?

- Тот способ общественного бытия, который ввели большевики, больше других соответствовал складу русской ментальности. Поэтому я считаю, что семьдесят лет большевистской деспотии - самая счастливая пора в истории русского народа. Можно было работать спустя рукава и получать деньги, которые позволяли выпить, закутить и кое-как одеться. Ни о чем не надо думать. Абсолютная уверенность в завтрашнем дне. Я не говорю о тех несчастных, которые пострадали от сталинских репрессий. Но основная часть народа ничего не боялась. Человек знал: если завтра его выгонят за пьянство и прогулы с фабрики «Красный пролетарий», он тут же устроится на соседнюю фабрику «Красная гвоздика», и все останется по-прежнему.

К сожалению, одна из самых кровных черт характера русского человека - бессмысленная, ничем не оправданная зависть к чужому благополучию. И уже неважно, как это благополучие приобретено: трудами или воровством. Зависть эта требует еще и какого-то физического выхода. Отсюда и наши крестьянские войны, и революция 1905 года, и большевистский пе-

реворот 1917 года. Тогда, наверное, ни одной усадьбы не осталось не сожженной. Спрашивается: зачем? Там же можно устроить общежитие, школу или коммуны. Нет, все пошло. Суть большевизма состоит не в том, чтобы не было бедных и богатых, а чтобы не было богатых.

- Как вы считаете, не возможен ли на этой почве возврат к старому?

- Большевиком не возродится. Уже повзрослело поколение, которому претит сумма качеств, характерная для русского обывателя еще 30 лет тому назад. Но человек моего возраста ощущает себя иностранцем в своей стране. Наше общество, увы, почти перестала волновать проблема резкой европеизации русского человека. Он необыкновенно быстро становится таким же неинтересным, усредненным, эгоистичным, как любой средний европеец, до неприятия заикливший на потребительских интересах. Может быть, такой процесс вполне объективен и ничего страшного здесь нет, но это неприятно. Ведь русская душа намного богаче. В ней есть вся мыслимая масса человеческих качеств.

- Как вы представляете себе своего читателя?

- Никогда не видел человека, читающего мою книжку. Недалеко от деревни, где я провожу по полгода, в городке Зубцове, живет одна восторженная дама, преподающая в музыкальной школе. Вот, пожалуй, она - чуть ли не первый мой читатель, которого я встретил в своей жизни. Тут как-то меня пригласили на столетие зубцовской библиотеки. Так эта поклонница просто вогнала меня в краску, встав и сказав на весь Дом культуры, где собралось человек двести: «А вы вообще представляете себе, кто к вам приехал?»

Я, конечно, ни на какого читателя не ориентируюсь. И думаю, так поступают все, кроме сочинителей специального острозащитного чтения, не имеющих к литературе никакого отношения.

- Вы в своих книгах часто рассказываете о «русском дураке». За последние годы эта категория граждан еще не перевелась?

- У меня ведь «русский дурак» особенный. К примеру, если наш деревенский пастих Борька залезет к кому на дачу, то стащит не только буханку хлеба, коробку макарон, тазик и вилку с ложкой, он еще прихватит подборку «Нового мира» или «Знамени». По журналу за ночь прочитывает! Вот каков мой «русский дурак». А сейчас наступила эпоха ушлых людей. Смешным, милым «дуракам» сегодня, наверное, уже нет места.

- У вас теперь не возникают проблемы с новыми персонажами?

- Нет. Персонажи - это все вспомогательное. Если я знаю, зачем пишу, тогда вопрос с выбором героев для меня решен, и можно «привлекать» кого угодно. Не так давно в Питере вышла книжка моих коротеньких рассказов под названием «Русские анекдоты». Некоторые из них посвящены «новым русским». Правда, за эту книжку я не получил ни рубля. Суровая примета времени. Исторического в чистом виде я давно ничего не писал. Хотя что считать историей? События моей недавней маленькой повести развиваются на фоне московских боев 2 - 5 октября 1993 года. А предыдущая повесть «Бог в городе» никакого отношения к истории не имеет - это наш быт, наша жизнь в провинциальном ее варианте.

- Что вы думаете о появившихся в последние годы на рынке книгах, обучающих, как надо писать прозу, чтобы на этом разбогатеть?

- Это не вредное чтение. Если в литинституте учатся пять лет, то что плохого в книжке, которая научит человека тому же самому за трое суток? Однако думаю, что такая литература непродуктивна и вряд ли поможет делать деньги, для чего нужно тоже иметь определенную способность. И уж во всяком случае - это не научит сочинять. Потому что писательский дар представляет собой редчайшее заболевание, которым сладко страдает такой ничтожный круг лиц во всем мире, что этому можно только удивляться и восхищаться, но подражать нельзя.

- Вы придерживаетесь формулы «ни дня без строчки»?

- Предпочитаю работать без всяких формул. Если я не умираю от гриппа и не нужно срочно ехать кого-то вытаскивать из пруда, сажусь и пишу с 7 утра до изнеможения. И так каждый божий день. Правда, как-то осенью со мною приключился маленький кризис, и две недели я ничего не писал. Для меня такое - вещь небывалая. Но ничего, пережил. И сейчас опять пишется хорошо.

- Вы придерживаетесь формулы «ни дня без строчки»?

- Предпочитаю работать без всяких формул. Если я не умираю от гриппа и не нужно срочно ехать кого-то вытаскивать из пруда, сажусь и пишу с 7 утра до изнеможения. И так каждый божий день. Правда, как-то осенью со мною приключился маленький кризис, и две недели я ничего не писал. Для меня такое - вещь небывалая. Но ничего, пережил. И сейчас опять пишется хорошо.

**Беседу вел
Анатолий СТАРОДУБЕЦ**
Фото автора